

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

УДК 94 (470+571): 316.75

«Враг народа»: от ленинской риторики к сталинской идеологеме

Ольга Юрьевна Попова

Донецкий национальный университет, Украина
аспирант
E-mail: olga.u.popova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования советской идеологемы внутреннего врага в период довоенного сталинизма. Сталинская идеологема рассматривается как закономерное продолжение ленинской риторики врага. В статье раскрывается эволюция ленинской риторики врага, выделяются этапы становления сталинской идеологемы врага как части официального идеологического курса и анализируются ее особенности.

Ключевые слова: враг народа; идеологема врага; риторика врага; идеология; пропаганда; В.И. Ленин; И.В. Сталин.

Период советской истории, обозначаемый в науке как довоенный сталинизм, стал временем широкой трансляции образа внутреннего врага системой советской пропаганды. Это период многочисленных газетных публикаций об «орудующих» в советском государстве врагах народа: стенограмм заседаний суда над «врагами», статей и выступлений первых лиц ВКП(б) с информацией о вражеских планах и практиках, материалов «с мест», разоблачающих и сигнализирующих о «вражеских вылазках». Внутренние враги были неотъемлемыми персонажами кино и литературы 1930-х гг. Агитационные материалы (плакаты) и журнальные карикатуры изображали облик «маскирующихся» врагов. Таким образом, с различной интенсивностью образ внутреннего врага заполнял информационное пространство, в котором существовал рядовой советский человек.

Как конструировался советской пропагандой образ внутреннего врага? Неотъемлемым фактором, безусловно, был сформированный в конце 1920-х гг. социальный заказ «снизу». Он стал выражением общественных настроений, характеризующихся концентрацией социальной напряженности. Советская власть с первых дней своего существования тщательно отслеживала (в первую очередь посредством системы ОГПУ–НКВД, штатных и внештатных осведомителей) общественные настроения и была о них хорошо осведомлена. Но фундаментом этого образа в сталинском идеократическом государстве [1] была идеологема врага [2], формируемая «сверху» как часть официального дискурса.

При всей своей значимости в данном контексте идеологема врага конца 1920–1930-х гг. еще не нашла комплексного освещения в работах историков, хотя с конца 1990-х гг. советский феномен врага народа стал достаточно «популярным» в качестве объекта исследования историков и социологов. На сегодня существует ряд исследовательских работ (более трех десятков), посвященных теме внутреннего и внешнего врага в годы гражданской войны, довоенного сталинизма, Великой Отечественной войны и послевоенного времени, а также несколько обзорных обобщающих публикаций. Характерная черта всех этих научных изысканий – сосредоточение внимания именно на пропагандистском образе врага народа (в СМИ, масскульте), в то время как идеологический его базис остается на втором плане, не выделяется как таковой или вовсе игнорируется. Исключения в этом смысле – статьи российского социолога Л.Н. Гудкова и специалиста по лингвистической советологии Д. Вайса, в которых рассмотрены некоторые аспекты проблемы идеологемы внутреннего врага периода довоенного сталинизма [3].

Таким образом, до сих пор остаются открытыми вопросы: что представляла собой идеологема внутреннего врага периода довоенного сталинизма? как и кем она формировалась? Цель данной статьи – попытаться дать ответы на эти вопросы.

С конца 1920-х гг. «толкователем» марксистско-ленинского учения, определявшего официальный идеологический курс советского государства, был генеральный секретарь и

публично признанный в советской стране к тому времени продолжатель дела В.И. Ленина Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, который в 30-е гг. только укрепил свою власть. Возможно, поэтому существует мнение, что «авторство» идеологемы/образа внутреннего врага принадлежит ему. Так, например, создателем образа врага назвал И.В. Сталина в своей книге «Век толп» французский психолог, специалист в области социальной психологии С. Московичи [4]. Но насколько идея и сущностное наполнение идеологемы внутреннего врага были изобретениями генерального секретаря? Быть может, он всего лишь продолжил традицию, существовавшую ранее?

Известно, что советская пропаганда первых лет власти большевиков активно апеллировала к образу врага. Аспекты этой проблемы исследованы в диссертационных работах российских исследователей Е.А. Сазонова «Образ "врага народа" в партийной и государственной политике большевиков: июль 1917 г. – июль 1918 г.» и Е.В. Волкова «Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага» [5]. Поэтому целесообразным, на наш взгляд, является обращение в контексте исследования идеологемы внутреннего врага конца 1920-х – 1930-х гг. к более раннему периоду советской истории, когда главным идеологом молодой советской страны был Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Исходя из этого, основной группой источников стали публичные тексты официальных документов двух ведущих идеологов советского государства довоенного периода – В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Для лучшего понимания проблемы эволюции советской идеологемы врага следует отметить, что «враг» как определение и как восприятие субъектом «другого» имеет глубинные корни, уходящие в родоплеменные общественные связи. Не останавливаясь на проблеме истоков враждебности людей и истории феномена врага, отметим, что он был частью христианской теологии. А она, в свою очередь, веками была фактором формирования мировоззрения католической и православной цивилизаций. Поэтому, вероятно, столь понятным широким массам – и неграмотным в том числе – было понятие «враг народа», используемое революционерами во время Французской революции XVIII века. К опыту Великой Французской революции проявляли огромный интерес представители старой русской революционности, заимствовавшие понятие «враг народа». Революционер-народник П.Г. Заичневский в прокламации «Молодая Россия» заявлял, что все, кто против, – враги, «а врагов следует истреблять всеми методами» [6]. Согласно теории «нового человека» представителя революционного народничества П.Н. Ткачева, враг – всякий, кто по физическим, психическим, социальным, моральным или каким-либо другим признакам вызовет чувство дискомфорта с идеалом человеческого счастья. Как считает известный историк М.Я. Геллер, В.И. Лениным был использован стратегический план П.Н. Ткачева [7]. А в период революционных потрясений в России понятие «враг народа»/«враг революции» приняло характер общеупотребляемого. Так, например, лексема «враг народа» использовалась в официальных документах Временного правительства (приказ военного и морского министра А.Ф. Керенского по армии и флоту от 7 июля 1917 г.) [8].

Ленинская риторика врага [9] стала продолжением традиции обращения к опыту Великой Французской революции радикальным течением русского народничества. Его представителями понятие «врага народа», в свою очередь, было вынесено из истории якобинского террора. Сам В.И. Ленин, развивая учение К. Маркса о диктатуре пролетариата, неоднократно ставил якобинцев в пример и перенял не только риторiku «врага народа», достаточно популярную в революционную эпоху России, но и практику террора по отношению к людям, признанным таковыми [10].

Ленинская риторика не была явлением неизменным и устойчивым, она постоянно эволюционировала. И вектор изменений ленинской риторики врага зависел от изменений внутригосударственной политической и экономической обстановки.

Еще до 1917 г. в качестве первых названных «врагами» в публицистике В.И. Ленина фигурировали самодержавие и монархисты. В статьях 1905 г. российский император Николай II с эпитетом «кровавый» назывался «злейшим врагом народа», а «либеральные буржуа», «освобожденцы» – врагами социализма. А в проекте обращения к избирателям, опубликованном в «Пролетарии» в 1906 г., «прямыми врагами народа» В.И. Ленин называл черносотенцев. И если черносотенец, согласно ему, враг «открытый, грубый, который может жечь, убивать, громить, но не может убеждать даже серого мужика», то кадет – «как бы скрытый враг» [11].

После Февральской революции на месте прежнего «ближайшего врага» – царизма, который, как выразился В.И. Ленин, был «раздавлен» в февральско-мартовские дни, в ленинской риторике появился новый враг – буржуазия или «гучковско-миллюковский, помещичий и капиталистический империализм» [12]. В ряд врагов стали и социалистические партии, «которые сыграли... роль пособников палачества» [13].

В связи с проблемами продовольственного распределения в стране весной 1918 г. в риторике В.И. Ленина появились новые лексемы, обозначающие врага: «мелкий собственник», «спекулянт», «мародер», «помещик», «кулак» (и его сынки).

Враги-белогвардейцы были персонифицированы в ленинской риторике белогвардейскими военачальниками: А.И. Деникиным, А.В. Колчаком, А.М. Калединым и др. Сама лексема «белогвардейцы» как определяющая врага не употреблялась. Это можно объяснить тем, что враг, открыто ведущий военные действия, понятен сам по себе. А вот враждебность других не была очевидной. Сам В.И. Ленин подчеркивал: «Ясного врага, такого, как раньше помещика и капиталиста, – народ не видит. Такой ясной картины, что враг уже среди нас, и что этот враг – тот же самый... этого понимания у народа быть не может, потому что он страдает большой темнотой и безграмотностью» [14].

Постепенно «вражеский лагерь» В.И. Ленина все более расширялся: помещики, капиталисты, кулаки и т.д. Сам он на X съезде партии в марте 1921 г., в период острого недовольства населения политикой «военного коммунизма», крестьянских волнений и кронштадтского мятежа, признавал существование огромного количества врагов: «Вы, товарищи, не можете не знать, что все наши враги, – а имя им легион» [15].

Расширяясь, список врагов постепенно стал включать людей, все более близких к ядру партии [16]. В начале 1920-х годов, когда созданная большевиками система управления страной оказалась не столь эффективной и очень похожей на ту, что существовала в Российской империи, Ленин увидел врага среди «своих» и назвал его «коммунистом-бюрократом». Его в марте 1922 г. в речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов В.И. Ленин назвал «самым худшим внутренним врагом», который «сидит на ответственном... посту и который пользуется всеобщим уважением» [17].

В «легионе» врагов В.И. Ленин всегда выделял главных, выстраивая тем самым своеобразную иерархию. Впервые она была представлена еще в 1907 г.: «Все наши враги, начиная от серьезного и беспощадного врага, Столыпина, и кончая «врагами» с бумажным мечом, ревизионистами» [18]. Статьи В.И. Ленина этого периода, демонстрировавшие иерархию врагов, «главным» представляли самодержавие, а в качестве «неглавных» [О.П.] фигурировали помещики/крепостники, буржуазия, царское правительство [19]. Во время успешных наступлений белогвардейских армий в 1919 г. в письме ЦК РКП(б) к организациям партии А.В. Колчак и А.И. Деникин назывались «главными и единственно серьезными врагами Советской республики» [20]. В период кризиса 1921 г. ленинская иерархия многочисленных врагов стала выглядеть так: «Мелкобуржуазная стихия – самый опасный... враг. Концессионеры и арендаторы – это меньший враг. Бюрократия – тоже... враг» [21].

Выстраивая иерархию врагов, В.И. Ленин неоднократно прибегал к их сравнению. Объясняя заключенный в Брест-Литовске мир, он неоднократно сравнивал старых и новых врагов. Старые враги виделись теперь мизерными, презренно-жалкими: «какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков». Новый враг – «гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма», «мировые хищники». А в речи на Московском совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов он назвал нового, «чрезвычайно опасного врага» – стихию мелкого собственника, которая по выражению В.И. Ленина, «сильнее всех Корниловых, Дутовых и Калединых, вместе взятых» [22].

Кроме того, среди многочисленных врагов В.И. Лениным отдельно выделялись внешние и внутренние враги, как на общепартийном съезде по демобилизации армии в январе 1918 г.: внешние враги – «империалисты немецкие и других стран», а внутренние – «контрреволюция» [23].

О конъюнктурности (как отражении стечения обстоятельств) риторики врага свидетельствует тот факт, что о существующих врагах В.И. Ленин говорил даже после своего же заявлений о наличии последнего. Например, борьба с врагами не прекращалась ни после заявления В.И. Ленина еще в январе 1918 г. о том, что классовая борьба пришла к своей

последней стадии, ни после тезиса в ноябрьском докладе 1919 г. о решительных победах над А.И. Деникиным, «последним врагом, который остался на... территории» [24]. В феврале 1920 г. на конференции представителей губернских ЧК он утверждал, что по-прежнему надо сохранять полную боевую готовность к отражению врага, так как без революционного насилия, направленного на врагов рабочих и крестьян, сломить сопротивление эксплуататоров невозможно [25].

В отношении врагов В.И. Ленин признавал только насильственные меры. В статьях, написанных им во время отпуска в декабре 1917 г., был сделан вывод о том, что по мере роста сопротивления буржуазии и ее «прихлебателей», растет сила пролетариата и присоединяющегося к нему крестьянства. На вопрос о том, как поступать с врагами, Владимир Ленин давал ответ: «Никакой пощады этим врагам народа», «с ними надо расправляться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества... всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом» [26]. Эти эмоциональные, судя по количеству эпитетов и метафор («подрывать корни их господства», «паразиты, вскормленные капитализмом»), статьи не были опубликованы в свое время. Впервые напечатаны они были лишь в январе 1929 г.

В дальнейшем В.И. Ленин уже открыто призывал выслеживать врагов, разоблачать и карать беспощадно, открыто заявляя, что единственное оружие – это насилие [27]. Даже в одной из своих последних работ, в статье «О кооперации», он называл фантастическим представление о том, что простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников, подчеркивая тем самым неизбежность классовой борьбы [28].

После смерти В.И. Ленина место главного идеолога партии оспаривали соратники вождя (Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев), но уже к концу 1920-х гг. стало ясно, что наиболее «верным ленинцем» является Иосиф Виссарионович Сталин. С этого времени газетные статьи и речи партийных функционеров изобиловали ссылками на сталинские работы, а выступления генсека были ключом к пониманию государственной внутренней и внешней политики, сигналами очередной политической кампании. Как заметил российский историк А.Л. Литвин, в 1930-е гг. И.В. Сталин был единственным человеком, который мог позволить себе выступить с критикой официально признанных на то время классиков «марксизма-ленинизма», цитаты которых объявлялись «истиной в последней инстанции» [29]. Отчасти потому, что еще с начала 1920-х гг. И.В. Сталин всячески старался создать имидж верного последователя политики В.И. Ленина и приверженца его принципов, легитимизируя таким образом свою власть.

Следует признать, что И.В. Сталин действительно хорошо знал работы Владимира Ильича. Этому способствовал прямой доступ генсека к ленинскому публицистическому наследию [30]. Многочисленные цитирования генсеком ленинских работ еще раз подтверждают их значимость как главного теоретического источника, который использовался для подтверждения легитимности меняющейся генеральной линии партии.

Кроме того, И.В. Сталин перенял и продолжил ленинскую традицию использования риторики врага. Хотя однозначно говорить о заимствовании ее В.И. Сталиным нельзя: в духе революционной публицистики лексемы «враг», «враг революции», «враг пролетариата» использовались им еще в первых теоретических выкладках начала 1900-х гг. Впервые лексема «враг народа» была употреблена молодым марксистом Иосифом Джугашвили в статье 1905 г. [31], что в целом соответствовало традициям революционной политической лексики того времени.

Но, так же, как у В.И. Ленина, у И.В. Сталина враг многолик (капитализм, кулаки, оппортунисты и т.д.), врагов множество (внутренние и внешние), они окружают. Так же вариативно обозначение врагов: «враг народа», «классовый враг», «враг революции», «враг партии», «враг трудящихся» и т.д. В.И. Ленин приписывал врагам оппозиционные настроения, противоречащие генеральной линии партии, которую фактически определял [32]. Такой же оборот использовал и И.В. Сталин, утверждая, что только враги могут думать иначе, как бы подразумевая тем самым, что все инакомыслящие – враги: «только враги народа и контрреволюционеры могут ставить вопрос о ненужности колхозов и совхозов» или «об отмене нэпа могут теперь помышлять лишь враги Советской власти» [33].

Для дискредитации партийных оппозиционеров двумя лидерами применялся один и тот же прием: обвинения в связи с врагами, пособничестве им. В.И. Ленин упрекал «рабочую оппозицию» в мелкобуржуазных и анархических шатаниях, которые якобы, «практически» помогали классовым врагам пролетарской революции [34]. Подобно этому И.В. Сталин заявлял, что фракционная работа оппозиции – «вода на мельницу врагов нашей партии» [35]. А в 1926 г. он косвенно назвал оппозиционеров врагами, подчеркивая, что «фронт оппозиции слился на деле с фронтом противников и врагов диктатуры пролетариата» [36]. Как известно, в 1930-х гг. представители всех оппозиционных течений в партии и их главы, как Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и др., были преданы суду и объявлены врагами народа.

Ленинскую непримиримость к врагам и отстаивание насильственных методов борьбы с ними, о которой уже говорилось выше, открыто демонстрировал, хоть и в меньшей степени, и И.В. Сталин: «насилие, необходимое и полезное в борьбе с нашими классовыми врагами» [37].

И такой ленинский речевой оборот, который использовался для доказательства неопровержимости достигнутых советской властью успехов, «даже враги» («даже враги вынуждены признать нашу верность основным принципам социализма и революции»), неоднократно использовался И.В. Сталиным: «даже враги вынуждены признать наличие серьезных успехов» [38]. Неоднократно в сталинских речах и публицистике какой-либо высказанный тезис подкреплялся утверждением, что теперь это признают/видят/не могут отрицать «и враги» [39].

Отличием «врага по-сталински» была неконкретность, абстрактность. В отличие от В.И. Ленина, который вместе с лексемой «враг» давал ее пояснение, называя врага конкретно одним из речевых штампов (будь то «царизм», «кадеты» или «мелкобуржуазная среда» и т.д.), генеральный секретарь при частом использовании этой лексики «враг» редко расшифровал ее [40]. И даже когда в сталинской речи присутствовало подробное описание врагов, образ внутреннего врага оставался нечетким, а круг потенциальных врагов постоянно расширялся. Характерная черта внутреннего врага «по-сталински» – маскировка, он – не только тот, кто открыто вредит, но и тот, кто иногда показывает успехи, не только тот, кто открыто выступает против советской власти, но и тот, кто соглашается с ней и признает правильной генеральную линию [41]. Окончательно сформировать представление о врагах слушателю/читателю предоставлялось сделать самостоятельно.

Но главное отличие сталинской позиции от ленинской состояло в том, что ленинская риторика врага, продолженная И.В. Сталиным, стала благодаря ему идеологемой – частью официальной большевистской идеологии, которая легитимизировала сталинский режим и нормировала повседневную жизнь. Ленинская риторика врага, органично звучащая на фоне революционных событий и гражданской войны и широко распространенная в это время, была явлением практически (расправа с объявленными «врагами народа»), часто использовалась в публицистике, но отсутствовала в главных теоретических работах («Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад. Кризис нашей партии», «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция»). И.В. Сталин же сделал «врага народа» идеологемой в мирное межвоенное время, дополнив марксизм-ленинизм тезисом о нарастании классовой борьбы.

Этапы формирования этого тезиса демонстрируют «врастание» идеологемы внутреннего врага в официальную большевистскую идеологию сталинизма. В апреле 1928 г. в общем выводе доклада на собрании актива московской организации ВКП(б) И.В. Сталин констатировал наличие внутренних и внешних врагов: их «выступлениями» были названы заготовительный кризис и шахтинское дело. О поиске врагов сигнализировал сталинский тезис о том, что такие выступления «могут и, пожалуй, будут повторяться» [42]. В майской речи того же года на VIII съезде ВЛКСМ неверным называлось мнение, что классовых врагов нет. Напротив, утверждалось, что они «существуют», «растут, пытаются выступать против Советской власти». Кроме заготовительного кризиса и шахтинского дела как следствий вражеской работы, И.В. Сталин ссылаясь на не названные конкретно «многочисленные факты из области внутренней и внешней политики..., о которых не стоит... распространяться». На основе сказанного был сделан вывод о необходимости поднятия боевой готовности рабочего класса против его классовых врагов. А также звучал мобилизационный сигнал: «Чтобы побить теперь врага, надо уметь строить промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговлю» [43]. И, наконец, на июльском

пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. И.В. Сталиным был сформулирован и представлен тезис о том, что по мере «продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться» [44]. Этот тезис подробно аргументировался в сталинской речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г., а Н.И. Бухарин и его «группа» обвинялись в непонимании механики классовой борьбы. Был поставлен вопрос о применении «при известных условиях» «чрезвычайных мер» против классового врага, впервые точно определенного как «кулачество» [45].

Закрепление тезиса произошло на объединенном февральско-мартовском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., где теория затухания классовой борьбы была объявлена контрреволюционной. В сталинской речи говорилось о «новой тактике» классовых врагов, которые теперь действуют «тихой сапой». Это сигнализировало о значительном расширении круга потенциальных врагов: теперь их следовало искать и среди внешне благонадежных, лояльных к советской власти граждан, так как одно из главных качеств внутреннего врага «по-сталински» – маскировка [46].

Завершающим этапом формирования идеологемы врага стал сталинский доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., в котором звучал эмоциональный призыв быть бдительным, «беспощадно громить и корчевать» уже целый ряд врагов: шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков, вредителей и т.д. Состоявшийся после двух открытых политических процессов в Москве над «врагами народа» (1936, 1937 гг.) этот доклад был наполнен уже заполнившими газеты пропагандистскими штампами и закреплял следующие тезисы: 10 лет в стране орудовали и продолжают многочисленные внутренние враги, поддерживаемые внешними врагами, по мере успехов советского государства враги будут все больше сопротивляться. «Гнилой теорией» называлось представление о том, что не может быть вредителем тот, кто показывает успехи в работе. Тем самым все, – и те, кто вредит, и те, кто не вредит, – могут быть потенциальными врагами [47].

Закреплению идеологемы врага способствовал выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)», который стал своеобразной «священной историей коммунизма» [48], которая мифологизированно представлялась как ряд побед добра (большевистской партии) в борьбе со злом (внутренними и внешними врагами). Таким образом, внутренний враг был вписан в широко пропагандируемый и изучаемый [49] официальный курс советской истории, где он выступал наряду с главным героем – партией.

Складывание идеологемы врага отразилось и на законодательном уровне, хотя еще при В.И. Ленине понятие «враг народа» было введено в правовую область посредством декретов (Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции, Дополнение к декрету о продовольственной диктатуре) [50]. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. (как и в республиканских), понятие «враг» отсутствовало, а вот в его обновленной редакции 1926 г. уже фигурирует понятие «враг трудящихся», объявление которым с сопутствующими следствиями выступало в качестве одной из мер социальной защиты [51]. Поправками 1927 г. понятие «враг трудящихся» было введено в особый раздел о контрреволюционных преступлениях, где большинство преступлений, предусматриваемых статьей 58, влекли за собой в том числе и объявление врагом трудящихся [52].

Таким образом, используемая И.В. Сталиным ленинская риторика врага, закрепленная на идеологическом и законодательном уровне в конце 1920-х – 1930-е гг., стала идеологемой. А так как советское государство было идеократическим, то идеологема врага проникла во все сферы жизни советского общества и не могла не отразиться на науке, культуре и искусстве, повседневной жизни советских граждан.

Неконкретность, а также вариативность и динамичность идеологемы врага являлись следствием ее конъюнктурности. Идеологема позволяла сталинскому режиму легитимизировать насильственные меры в отношении самых различных оппозиционных, нелояльных или неугодных слоев советского общества. Она делала возможными ликвидацию оппозиционно настроенных партийцев и несогласных с реализуемой политикой (шахтинское дело, процесс Промпартии, московские процессы и т.д. и т.п.), насильственную коллективизацию (раскулачивание), широкое проведение репрессивных кампаний и наказуемость публичного проявления нелояльности к советской власти, то есть идеологема внутреннего врага стала неотъемлемым фактором существования сталинского режима. На ее основе в конце 1920-х гг. системой советской пропаганды был реактуализирован образ внутреннего врага, чтобы «объяснить» населению следствия проводимой внутренней и внешней политики, указать виновников экономических «неудач»

и следствий неэффективности экономического курса (производственных аварий, срывов, невыполнения планов, продовольственных трудностей и т.д.), мобилизовать человеческий ресурс и косвенно нормировать повседневную жизнь рядовых граждан.

Примечания:

1. Красильников С. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 150.
2. Идеологема – особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки. Термин Е.Г. Малышевой: Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №4(30). С. 35.
3. Гудков Л.Н. Идиологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М.: ОГИ, 2005; Вайс Д. Сталинский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. 2007. №3(23); Его же. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1(24).
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 278.
5. Сазонов Е.А. Образ "врага народа" в партийной и государственной политике большевиков: июль 1917 г. – июль 1918 г.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2002; Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: Дисс. ... д. и. н.: 07.00.02. Челябинск, 2009.
6. Заичневский П.Г. Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1997 / www.hist.msu/ER/Etext/molrus.ru (Дата обращения: 16.06.2012 г.)
7. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. Лондон, 1985; М.: МИК, 1994 / http://krotov.info/history/11/geller/gell_21.htm (Дата обращения: 29.05.2012 г.)
8. Сазонов Е.А. Указ. соч. С. 51.
9. Здесь: составляющая часть политической риторики В.И. Ленина.
10. Подробнее об этом: Попова О. «Ленинская риторика «врага народа»: истоки формирования» // Одіос. Актуальні проблеми історії, археології та етнології. Одеса, 2012.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее – ПСС). Изд. 5-е. Т. 10. С.274; Его же. ПСС. Изд. 5-е. Указ. соч. Т. 14. С. 109.
12. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 31. С. 45; Его же. ПСС. Т. 34. С. 134, 347.
13. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. С. 15.
14. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 43. С. 39.
15. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 43. С. 5.
16. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Светской России / Пер. с англ. С.Л. Сухарева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 104–105.
17. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 45. С. 15.
18. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 14. С. 367.
19. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 16. С. 358; Его же. ПСС. Т. 20. С. 363.
20. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 39. С. 46.
21. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 43. С. 193.
22. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 35. С. 395–396; Его же. ПСС. Т. 36. С. 96, 235.
23. Ленин В.И. ПСС. ПСС. Изд. 5-е. Т. 35. С. 224.
24. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 35. С. 266; Его же. Т. 39. С. 322.
25. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 40. С. 115, 117.
26. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 35. С. 194, 200–201.
27. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 38. С. 7.
28. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 45. С. 375.
29. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Джон Кип, Алтер Литвин; [пер. с англ. В. И. Матузовой]. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.:

Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина», 2009. С. 262.

30. Илизаров Б.С. Тайная жизнь И.В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма / Б.С. Илизаров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вече, 2003. С. 151.

31. Сталин И.В. Сочинения. Т. 1. С. 23, 31, 36, 138, 141, 179.

32. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 35. С. 73.

33. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 194; Его же. Сочинения. Т. 11. С. 46.

34. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 43. С. 96.

35. Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. С. 44.

36. Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. С. 55.

37. Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 203.

38. Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 133; Его же. ПСС. Т. 12. С. 191.

39. Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 191; Его же. Сочинения. Т. 6. С. 267; Его же. Сочинения. Т. 8. С. 298–356; Его же. Сочинения. Т. 13. С. 29–43.

40. Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 12, 224; Его же. Сочинения. Т. 13. С. 229–230, 348; Его же. Сочинения. Т. 14 / <http://lib.rus.ec/b/208869/read> (Дата обращения: 22.08.2012 г.)

41. Сталин И.В. Сочинения. Т. 14 / <http://lib.rus.ec/b/208869/read> (Дата обращения: 22.08.2012 г.)

42. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 63–64.

43. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 69, 70, 76.

44. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 171.

45. Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 34; 12; 89.

46. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 229–230.

47. Сталин И.В. Сочинения. Т. 14 / <http://lib.rus.ec/b/208869/read> (Дата обращения: 22.08.2012 г.)

48. Гловинский М. «Краткий курс истории ВКП(б) как священная история коммунизма // Восток. 2005. №1/2 (25/26) / http://www.situation.ru/app/j_art_776.htm (Дата обращения: 12.09.2012 г.)

49. Гречухин П.Б., Данилов В.Н. выход «Краткого курса истории ВКП(б)» и предвоенное советское общество // Восток. 2005. №1/2 (25/26) / http://www.situation.ru/app/j_art_740.htm (Дата обращения: 12.09.2012 г.)

50. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 35. С. 126; Его же. ПСС. Т. 36. С. 318.

51. УК РСФСР 1922 / http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1922_года/Temp (Дата обращения: 12.09.2012 г.); УК РСФСР 1926 / http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (Дата обращения: 12.09.2012 г.)

52. УК РСФСР / http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (Дата обращения: 12.09.2012 г.).

References:

1. Krasil'nikov S. Sotsial'naya mobilizatsiya kak sistemnaya kharakteristika stalinskogo rezhima: priroda, formy, funktsii // Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2011. S. 150.

2. Ideologema – osobogo tipa mnogourovnevnyi kontsept, v strukture kotorogo aktualiziruyutsya ideologicheski markirovannye kontseptual'nye priznaki. Termin E.G. Malyshevoi: Malysheva E.G. Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. №4(30). S. 35.

3. Gudkov L.N. Idiologema «vruga». «Vragi» kak massovyi sindrom i mekhanizm sotsiokul'urnoi integratsii // Obraz vruga. M.: OGI, 2005; Vais D. Stalinskii i natsional-sotsialisticheskii diskursy propagandy: sravnenie v pervom priblizhenii // Politicheskaya lingvistika. 2007. №3(23); Ego zhe. Parazity, padal', musor. Obraz vruga v sovetskoi propagande // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1(24).

4. Moskovichi S. Vek tolp. Istoricheskii traktat po psikhologii mass. M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. S. 278.

5. Sazonov E.A. Obraz "vruga naroda" v partiinoi i gosudarstvennoi politike bol'shevikov: iyul' 1917 g. – iyul' 1918 g.: Diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Novosibirsk, 2002; Volkov E.V. Beloe dvizhenie v kul'turnoi pamyati sovetskogo obshchestva: evolyutsiya «obraza vruga»: Diss. ... d. i. n.: 07.00.02. Chelyabinsk, 2009.

6. Zaichnevskii P.G. Molodaya Rossiya // *Revolyutsionnyi radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyi. Dokumental'naya publikatsiya* / Red. E.L. Rudnitskaya. M.: Arkheograficheskiy tsentr, 1997 / www.hist.msu/ER/Etext/molrus.ru (Data obrashcheniya: 16.06.2012 g.)
7. Geller M. Mashina i vintiki. *Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka*. London, 1985; M.: MIK, 1994 / http://krotov.info/history/11/geller/gell_21.htm (Data obrashcheniya: 29.05.2012 g.)
8. Sazonov E.A. Ukaz. soch. S. 51.
9. Zdes': sostavlyayushchaya chast' politicheskoi ritoriki V.I. Lenina.
10. Podrobnее ob etom: Popova O. «Leninskaya ritorika «vruga naroda»: istoki formirovaniya» // *Odisos. Aktual'ni problemi istorii, arkhologii ta etnologii*. Odesa, 2012.
11. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* (dalee – PSS). Izd. 5-e. T. 10. S.274; Ego zhe. PSS. Izd. 5-e. Ukaz. soch. T. 14. S. 109.
12. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 31. S. 45; Ego zhe. PSS. T. 34. S. 134, 347.
13. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 34. S. 15.
14. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 43. S. 39.
15. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 43. S. 5.
16. Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Svetskoj Rossii* / Per. s angl. S.L. Sukhareva. SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt», 1997. S. 104–105.
17. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 45. S. 15.
18. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 14. S. 367.
19. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 16. S. 358; Ego zhe. PSS. T. 20. S. 363.
20. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 39. S. 46.
21. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 43. S. 193.
22. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 35. S. 395–396; Ego zhe. PSS. T. 36. S. 96, 235.
23. Lenin V.I. PSS. PSS. Izd. 5-e. T. 35. S. 224.
24. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 35. S. 266; Ego zhe. T. 39. S. 322.
25. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 40. S. 115, 117.
26. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 35. S. 194, 200–201.
27. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 38. S. 7.
28. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 45. S. 375.
29. Kip Dzh., Litvin A. *Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya* / Dzhon Kip, Alter Litvin; [per. s angl. V. I. Matuzovoi]. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina», 2009. S. 262.
30. Ilizarov B.S. *Tainaya zhizn' I.V. Stalina. Po materialam ego biblioteki i arkhiva. K istoriosofii stalinizma* / B.S. Ilizarov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Veche, 2003. S. 151.
31. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 1. S. 23, 31, 36, 138, 141, 179.
32. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 35. S. 73.
33. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 13. S. 194; Ego zhe. *Sochineniya*. T. 11. S. 46.
34. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 43. S. 96.
35. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 6. S. 44.
36. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 9. S. 55.
37. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 12. S. 203.
38. Lenin V.I. PSS. T. 34. S. 133; Ego zhe. PSS. T. 12. S. 191.
39. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 12. S. 191; Ego zhe. *Sochineniya*. T. 6. S. 267; Ego zhe. *Sochineniya*. T. 8. S. 298–356; Ego zhe. *Sochineniya*. T. 13. S. 29–43.
40. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 12. S. 12, 224; Ego zhe. *Sochineniya*. T. 13. S. 229–230, 348; Ego zhe. *Sochineniya*. T. 14 / <http://lib.rus.ec/b/208869/read> (Data obrashcheniya: 22. 08.2012 g.)
41. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 14 / <http://lib.rus.ec/b/208869/read> (Data obrashcheniya: 22. 08.2012 g.)
42. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 11. S.63–64.
43. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 11. S. 69, 70, 76.
44. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 11. S. 171.
45. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 12. S. 34; 12; 89.
46. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 13. S. 229–230.
47. Stalin I.V. *Sochineniya*. T. 14 / <http://lib.rus.ec/b/208869/read> (Data obrashcheniya: 22. 08.2012 g.)
48. Glovin'skii M. «Kratkii kurs istorii VKP(b) kak svyashchennaya istoriya kommunizma» // *Vostok*. 2005. №1/2 (25/26) / http://www.situation.ru/app/j_art_776.htm (Data obrashcheniya: 12.09.2012 g.)
49. Grechukhin P.B., Danilov V.N. vykhod «Kratkogo kursa istorii VKP(b)» i predvoennoe sovetskoe obshchestvo // *Vostok*. 2005. №1/2 (25/26) / http://www.situation.ru/app/j_art_740.htm (Data obrashcheniya: 12.09.2012 g.)
50. Lenin V.I. PSS. Izd. 5-e. T. 35. S. 126; Ego zhe. PSS. T. 36. S. 318.
51. UK RSFSR 1922 / http://ru.wikisource.org/wiki/Ugolovnyi_kodeks_RSFSR_1922_goda/Temp (Data obrashcheniya: 12.09.2012 g.); UK RSFSR 1926 / http://ru.wikisource.org/wiki/Ugolovnyi_kodeks_RSFSR_1926_goda/Redaktsiya_05.03.1926 (Data obrashcheniya: 12.09.2012 g.)

UDC 94 (470+571): 316.75

«Public Enemy»: from Lenin's Rhetoric to Stalin's Ideologeme

Olga U. Popova

Donetsk National University, Ukraine
PhD student
E-mail: olga.u.popova@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the problem of Soviet ideologeme of the enemy from within in the period of pre-war Stalinism. Stalin's ideologeme is considered as consistent continuity with Lenin's enemy rhetoric. The article discloses the development of Lenin's enemy rhetoric, singles out stages of Stalin's enemy ideologeme establishment as a part of official ideologic policy and analyses its features.

Keywords: public enemy; enemy ideologeme; enemy rhetoric; ideology; propaganda; V.I. Lenin; I.V. Stalin.